

Б. Беломор

К ПОВОРОТУ СТОЯТЬ!

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Б. Беломор

К повороту стоять!

«Издательство АСТ»

2019

Беломор Б.

К повороту стоять! / Б. Беломор — «Издательство АСТ»,
2019 — (Военная фантастика (АСТ))

Балканская война 1877–1878 годов не закончилась обидным для России Сан-Стефанским миром. Войска Белого генерала Скобелева входят в Константинополь, в ответ Британия посылает свои эскадры в Босфор и на Балтику. Русские башенные канонерские лодки и минные катера – против грозных броненосцев Роял Нэви. Форты Кронштадта и Свеаборга – против орудий Армстронга и Витворта. Яростные морские сражения, успех которых решают таранные удары, мины и... очень большие пушки! А где-то в чужих широтах русские военные клиперы, подобно спущенным с поводков гончим, уже вырвались на торговые пути – океанская охота началась! Останется ли Британия Владычицей морей? И на фоне этих грандиозных событий – история юного мичмана, выпускника Санкт-Петербургского Морского корпуса, получившего своё первое назначение на Балтийский монитор «Стрелец». На нём он и примет свой главный бой.

Содержание

Предисловие	5
Часть I	6
I. Мичмана	6
II. Жестянка из-под леденцов	9
III. Война объявлена!	14
IV. Гельсингфорс	17
V. Пушки, снаряды, броня	20
VI. Нам пишут с войны	23
VII. «Чижик-пыжик» и другие	27
VIII. Fleet in being[16]	32
IX. Тяжело в учении	35
Отступление первое	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Б. Беломор

К повороту стоять!

Предисловие

Представляемъ нашимъ читателямъ, а также всѣмъ, интересующимся военно-морской исторіей, неизвѣстное доселѣ произведеніе, описывающее періодъ триумфальной для Россійской имперіи войны 1877–1879 годовъ, приведшей, какъ извѣстно, къ кардинальному передѣлу тогдашняго міроустройства. Славныя побѣды на Балтикѣ, въ Средиземномъ морѣ, подвиги моряковъ Русскаго Императорскаго флота въ Атлантикѣ и Индійскомъ океанѣ – кто изъ насъ не помнитъ эти славныя вѣхи въ исторіи нашего Отечества? И остается только порадоваться появленію еще одного произведенія, написаннаго если не очевидцемъ и участникомъ тѣхъ славныхъ событій, то, несомнѣнно, со словъ таковыхъ.

Нѣсколько словъ объ авторѣ этой книги. Тутъ мнѣнія спеціалистовъ разошлись. Одни приписываютъ её перу капитана втораго ранга А. Конкевича, который въ 1886-мъ выпустилъ подъ псевдонимомъ Бѣломоръ первый російскій романъ въ модномъ нынѣ жанрѣ «альтернативной исторіи» «Крейсеръ “Русская надежда”». Другіе же указываютъ на то, что хоть псевдонимы авторовъ частично совпадаютъ, говорить объ ихъ идентичности всё же было бы чересчуръ смѣло – особенно съ учетомъ значительныхъ стилистическихъ расхождений и несхожести литературныхъ манеръ двухъ авторовъ. Что до схожести нѣкоторыхъ моментовъ въ текстѣ произведеній, то тутъ, несомненно, имѣетъ мѣсто не заимствованіе, а использованіе А. Конкевичемъ реального историческаго матеріала. Такъ, лихой набѣгъ клипера «Крейсеръ» на Сингапуръ широко описанъ какъ въ мемуарахъ участниковъ, такъ и во множествѣ спеціальныхъ изслѣдованій.

Издательство выражаетъ отдѣльную благодарность историку флота и служащему Императорскаго военно-морскаго архива надворному совѣтнику Б. Батыршину, взявшему на себя трудъ не просто подготовить книгу къ изданію (надо замѣтить, что изначально она имѣла видъ разрозненныхъ записокъ), но и возстановить, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и реконструировать заново недостающіе эпизоды – разумѣется, насколько это позволили его скромные литературные таланты.

Часть I *Alea iacta est*¹

I. Мичмана

Огромное здание выходило на набережную между Одиннадцатой и Двенадцатой линиями Васильевского острова и тянулось по ним на весь квартал. Середину его составлял десятиколонный портик, поставленный на выступ первого этажа; справа и слева, в крыльях – две башни. Центр фасада увенчан цилиндрической будкой астрономической обсерватории, обшитой поверх железа нестругаными досками, что изрядно портило парадный облик здания.

Трое молодых людей, прогуливавшихся вдоль парапета, отсекавшего набережную от серых даже под голубеньким весенним небом вод Невы, не замечали ни колонн, ни уродливой будки обсерватории. За годы учёбы в Морском корпусе всё это стало привычным, как ветер с Финского залива, насыщавший столичный воздух сыростью.

Прохожие тоже не замечали новенькие, с иголки, мичманские сюртуки троицы. Эка невидаль – мичмана! Кому ж ещё тут ходить? В апреле 1877 года от Рождества Христова, как и во всякий другой год, гардемарины столичного Морского корпуса выпускаются во флот мичманами – вот как эти трое, только что примерившие свои первые офицерские мундиры.

– Не могу согласиться с вашей, друг мой, непреклонностью, – говорил шедший в середине, высокий, худощавый, с несуразно длинными ногами, что придавало ему сходство с журавлём. Длинный нос и бледное, густо усыпанное веснушками лицо довершали комический облик его обладателя.

Тот, что справа, был на полголовы ниже своего товарища и облик имел не столь комичный. Самая заурядная внешность, способная, впрочем, привлекать петербургских барышень: стройная, выработанная корпусной муштрой осанка. Фуражку молодой человек нес в руке, открыв волосы невскому ветру.

– Барахтаться в Маркизовой луже, когда можно отправиться в океан – нет, это в голове не укладывается! – продолжал меж тем долговязый. – Или вам здешние воды не надоели во время летних практических плаваний?

Ответа он не дождался. К чему слова, если всё давно переговорено? С тех самых пор, когда они, три будущих мичмана, а тогда ещё гардемарины выпускного класса Морского корпуса, стали задумываться о первом месте службы.

В таком деле ничего нет лучше надежных связей в высшем столичном свете либо в коридорах под шпиром. Но не каждому привалит такое счастье; из всей троицы лишь один – тот самый, голенастый, записанный в корпусной ведомости как барон Карл Густав Грехе (для друзей Карлуша), сын остзейского барона и обер-камергера императорского двора, – мог похвастать чем-то подобным. Двум другим, Серёже Казанкову и Венечке Остелецкому, невысокому, крепко сбитому живчику, чья жизнерадостность и румяные девичьи щеки являли разительный контраст с обликом Грехе, приходилось надеяться только на себя. По давней корпусной традиции первые по результатам экзаменов выпускники могли выбирать место службы.

Лишённые высоких связей, оба они, и Казанков и Остелецкий, в табелях имели превосходные баллы. Это, а ещё два месяца зубрежки перед экзаменами – и готово дело, третья и шестая строки заветного списка! Остелецкий, долго не раздумывая, попросился на Чёрное

---

¹ «Жребий брошен!» (лат.) – фраза, произнесённая Юлием Цезарем при переходе пограничной реки Рубикон. Употребляется в смысле: совершить поступок, который не может быть отменен, принять опасное и бесповоротное решение.

море, Серёжа Казанков предпочел остаться на Балтике, выбрав вакансию в дивизионе башенных броненосных лодок. Долговязый Гreve, узнав об этом, не поверил своим ушам. А убедившись, что розыгрышем здесь и не пахнет, принялся отговаривать приятеля – пока не поздно, пока приказ о назначении не прошел по инстанциям и можно ещё попытаться что-нибудь переиначить!

Барон старался напрасно – Казанков был непреклонен, и Гreve оставалось только брюзжать.

– Решительно не понимаю! – барон для убедительности помотал рыжей остзейской шевелюрой. – Законопатить себя на древнее корыто, когда можно попасть на свеженький, с иглолочки, клипер или броненосный фрегат! Признайтесь честно, Серж, вы не склонны к самоистязанию, как последователи маркиза де Сада? Тогда могу понять...

– Зато вы, барон, своего не упустили, – лениво отозвался Остелецкий, которому надоело в сотый раз выслушивать одни и те же язвительные сентенции. – Вот что значит связи в свете: раз-два и в дамках, и готово место вахтенного офицера на клипере «Крейсер», да ещё с путешествием за казенный счет перед вступлением в должность! «Крейсер»-то сейчас в заграничном плавании, с эскадрой адмирала Бутакова...

– Да разве я, господа, виноват, что клипер ни с того ни с сего встал на ремонт на верфях Крампа в Филадельфии? – огрызнулся Гreve. – Когда решалось мое назначение, ожидали, что эскадра Бутакова вот-вот возьмет курс домой, и тут поломка какая-то нелепая! А теперь уж всё: распоряжение подписано, извольте явиться к месту службы, хотя бы для этого пришлось переплыть Атлантику!

– Вот и я говорю – недурно устроились, – не сдавался Остелецкий. – Отдохнете в комфортабельной каюте, с пассажирами пофлиртуете, да и в Марселе гульнете с полным вашим удовольствием!

– Так и вам, Венечка, тоже не завтра на вахту, – не остался в долгу барон. – Сперва надо добраться до Севастополя, а уж там – кружитесь-вертитеесь на вашей суповой тарелке, сколько душе угодно.

Вениамин Остелецкий, третий из закадычных приятелей, получил назначение на «Новгород», один из двух броненосцев береговой обороны Черноморского флота. «Новгород», как и его брат-близнец, «Вице-адмирал Попов», отличался крайней экстравагантностью конструкции: в плане он был совершенно круглым и приводился в движение шестью гребными винтами. Нелепый облик этих кораблей породил и во флоте и в российском обществе немало насмешек. Известный поэт Некрасов разразился по его адресу едкой сатирой, имея в виду, разумеется, не мореходные качества необычных кораблей, а соображения сугубо политические:

Здравствуй, умная головка,
Ты давно ль из чуждых стран?
Кстати, что твоя «поповка»,
Поплыла ли в океан?
– Плохо, дело не спорится,
Опыт толку не дает,
Все кружится да кружится,
Все кружится – не плывет.
– Это, брат, эмблема века.
Если толком разберешь,
Нет в России человека,
С кем бы не было того ж.
Где-то как-то всем неловко,
Как-то что-то есть грешок...

Мы кружимся, как «поповка»,
А вперед ни на вершок.

Стихотворец либо не знал, либо не захотел вспомнить о главной причине появления на свет круглых броненосцев. Дело в том, что Парижским договором 1856 года, который подвел для России итоги Крымской войны, не позволялось иметь на Чёрном море боевые корабли. Детища же вице-адмирала Попова считались «плавучими фортами» и не попадали под запретительные статьи. Мичман искренне полагал свой будущий корабль новым словом в военном судостроении и добивался именно этого назначения.

– Вот и выходит, дорогой барон, что и я, и Серёжка выбрали для службы броненосные корабли. Это вы у нас истинный марсофлот, пенитель моря-окияна, а нам теперь корпеть под броней, при солидных калибрах, вблизи родных берегов.

– Так ведь сами этого хотели! – фыркнул Грeve. – Вы, Венечка, только и твердили, что о «поповках», да и Серж, насколько мне известно, сам попросился в бригаду броненосных лодок. И зачем ему, скажите на милость, эти нелепые посудины?

– Так уж и нелепые! Не забывайте, мон шер, эти, как вы изволили выразиться, «посудины» – почти точные копии американского «Монитора», прародителя нынешнего броненосного флота.

Грeve скептически хмыкнул.

– Я, конечно, уважаю почтенные седины, но служить всё же предпочитаю не на антикварных экспонатах, а на нормальных судах. Да и вид у этой калоши таков, что без смеха на неё смотреть невозможно!

Серёжа, не принимавший участия в язвительной пикировке, улыбнулся. Перед его глазами снова возник июльский день 1869 года: он, девятилетний мальчишка, едет с матерью на извозчике в Военную гавань Кронштадта, чтобы полюбоваться на стоящие там корабли...

II. Жестянка из-под леденцов

– Какой смешной! – громко сказал мальчик и шмыгнул носом. – Будто банку от монпансье поставили на плот!

Окружающие покосились на сорванца с неодобрением. Его мать, миловидная, стройная брюнетка лет тридцати, густо покраснела.

– Серёжа, как тебе не стыдно! Господину офицеру, наверное, обидны такие сравнения! Мичман улыбнулся.

– Ваш сын совершенно прав, мадам. Вот и северные американцы такие суда называли «коробкой сыра на плоту».

– Но ведь правда похоже! – вдохновленный поддержкой, продолжал мальчик. – У нас дома есть такая банка, фабрики «Ландрин», жестяная, с картинками. А плот мы с мальчишками делали прошлым летом, на затоне, вот!

Корабль, о котором шла речь, и в самом деле возвышался над водой всего на несколько футов. Дощатые мостки, перекинутые с пирса на палубу, были так сильно наклонены, что гостям приходилось судорожно цепляться за веревочные ограждения – леера. Двое матросов, дежуривших у сходней, подхватывали дам под локотки и передавали на палубу, где их встречал мичман при полном флотском параде.

Посетители нипочем не догадались бы, как тяготит мичмана роль гостеприимного хозяина и гида. По традиции, на стоящие в Кронштадте военные суда допускали по субботам и воскресеньям публику. И пока остальные офицеры съезжали на берег – кто к семьям, кто в поисках столичных удовольствий, – мичман, на правах младшего в кают-компании, принимал посетителей. Сегодня их, к счастью, немного – с утра накрапывал дождик, и мало кто захотел испытать на себе капризы погоды.

Убедившись, что последние гости – почтенная матрона в сопровождении невзрачного господина в фуражке с гербом почтового ведомства – благополучно преодолели сходни, офицер откашлялся, привлекая к себе внимание. При этом он исподволь бросал взгляды на изящную брюнетку, порадовавшись, что гостья, кажется, без супруга. Дама мило улыбалась в ответ. Юный мичман слегка покраснел и поторопился принять строгий, независимый вид, как и подобает офицеру Российского Императорского флота.

– Позвольте, господа, приветствовать вас на борту башенной броненосной лодки «Стрелец», – начал он не раз отрепетированную речь. – Таких в Кронштадте десять, и все построены по проекту американского инженера Эриксона. Это, дамы и господа, тот самый Эриксон, что построил знаменитый «Монитор». Теперь во всём мире подобные суда, низкобортные, с одной или несколькими башнями, так и называют – «мониторы».

Посетители заозирались, оглядывая просторную, как бильярдный стол, палубу. По сравнению с другими кораблями, чьи палубы загромождены орудиями, надстройками, световыми люками, брашпилями, кофель-нагельными стойками и прочим судовым имуществом, эта поражала своей пустотой. Лишь посередине высилась орудийная башня – та самая «коробка из-под монпансье» – да торчала за ней дымовая труба.

– Между многочисленными типами современных броненосцев, – продолжал меж тем мичман, – вряд ли найдутся такие, которые лучше соответствовали бы условиям нашей береговой обороны. Конечно, обратить все усилия на постройку одних только мониторов было бы нелепо, но десяток таких судов – сила весьма почтенная. В ожидании будущего развития флота она отобьет охоту иных «доброжелателей» вмешиваться во внутренние дела России.

– А что же, парусов у вас нету вовсе? – поинтересовалась монументальная супруга почтового служащего. Голос у неё оказался неожиданно высоким, почти писклявым, и мичман с трудом сдержал улыбку.

– Верно, мадам, парусов у нас нет. Да их и ставить не на чем, мачты, как видите, отсутствуют. Да и не нужны нам паруса – «Стрелец», как и его собратья, предназначен для прибрежной обороны, его дело не дальние океанские походы, а защита Финского залива. При Петре Великом с этим справлялись гребные канонерские лодки. Во время Крымской кампании для защиты Кронштадта и Свеаборга было спешно построено несколько десятков деревянных винтовых канонерок, несущих только по одному, зато тяжелому орудию.

Гости закивали. Петербуржцы постарше хорошо помнили грозные события тех лет. Объединенная англо-французская эскадра явилась тогда к Кронштадту и всю летнюю кампанию простояла в виду его фортов, так и не решившись пойти на прорыв. А горожане меж тем выбирались на пикники в Ораниенбаум и Сестрорецк, чтобы полюбоваться маячащими в дымке Финского залива мачтами чужих кораблей.

– Особенность мониторов состоит в том, что этот тип боевых кораблей имеет плоское днище.

Мониторы неглубоко сидят в воде и способны проходить там, где другие суда сядут на мель или уткнутся в ряжи, перекрывающие промежутки между фортами и номерными батареями. Ряжи, – пояснил мичман, – это нечто вроде бревенчатых срубов. Зимой их сколачивают на льду из сосновых бревен, стягивают железными скрепами, спихивают в проруби, затапливают и засыпают доверху бутовым камнем. Получаются рукотворные рифы, способные задерживать неприятельские суда.

– Так зачем тогда вообще нужны эти ваши мониторы? – сварливо осведомился почтовый служащий. – Перекрыть все, кроме судового хода – и приходи кума любоваться! Да и дешевле, небось, обойдется для казны...

Мичман снисходительно усмехнулся. Этот вопрос задавали в том или ином виде практически на каждой экскурсии.

– Всё, что сделано руками человека, человек может и разрушить. Преодолеть ряжевые заграждения не так сложно – например, зацепить кошками на тросах и растащить пароходами. Или взорвать порохowymi зарядами в закупоренных от воды бочонках. Не будь ряжевые и минные линии надежно прикрыты канонерскими лодками, англичане ещё в 1854-м разорили бы их и прошли к Петербургу, как по бульвару в воскресный день. Однако же именно малые артиллерийские суда мешали таким работам – и ещё помешают, случись, не приведи Господь, новая война. Не только в России строят мониторы, в Англии они тоже имеются, как раз для преодоления обороны Кронштадта. «Просвещенные мореплаватели», уж будьте уверены, сделали выводы из неудач балтийских кампаний 1854–1855 годов. Но если враг снова сунется в Финский залив, мы погоним его прочь от Кронштадта, а потом дадим бой и в других местах, например, возле прибрежных крепостей вроде Свеаборга. Там, как и по всему финскому берегу, полно шхер, узостей между островками, мелководий. Большие броненосные батареи вроде «Первенца» или «Кремля» тут не годятся. А наш «Стрелец», как и его двухбашенные родственницы, «Русалка», «Чародейка» и «Смерч», в самый раз. Морские ходоки из них неважные, а вот у берегов, на мелководьях, они себя покажут.

– Поэтому «Стрелец» над водой почти не виден? – спросила мать давешнего непоседы. – В точности как плот, о котором мой Серёженька давеча говорил!

Мальчуган хмыкнул, соглашаясь с матерью.

– Не совсем, мадам! – поспешно ответил мичман. Ему льстило внимание очаровательной дамы. – Морские орудия выпускают снаряды по настильной траектории и поражают в первую очередь борта и возвышающиеся надстройки. Чем ниже борт, подставленный огню, тем труднее попасть в судно: снаряды будут либо пролетать над низкой палубой, либо попадать в воду возле борта. А слой воды – весьма надёжная защита, не хуже брони. У многих броненосных кораблей артиллерия расположена в бортовых казематах, отсюда и высокий силуэт, представ-

ляющий собой удобную цель. А если поставить орудия во вращающейся башне, то и не понадобится высокий борт!

Дама кивнула. К удивлению мичмана, она вполне поняла непростые для сухопутного человека объяснения. Ее сын слушал, приоткрыв от усердия рот.

– На кораблях новейшей постройки артиллерию главного калибра ставят в башнях или барбетах. Вот, к примеру, британский «Ройял Соверен» или только что заложенный на Галерном острове большой мореходный монитор «Крейсер»²...

– Так у «Стрельца» всюду броня? – встрял мальчуган. – И под этими досками тоже?

И он притопнул башмачком по палубному настилу.

– А как же? Палуба целиком защищена в опасении мортирных бомб, которые падают на цель по крутой дуге.

– А таран у вас есть? – осведомился почтовый чиновник. – Я читал в газете, что он считается важным средством морского боя.

– Ну, специального тарана как такового у «Стрельца нет», – ответил мичман. – Форштевень и носовая часть корпуса, правда, усилены на случай, если придется прибегнуть к этому боевому приему. Но вы правы, сударь, сейчас шпиронами³ снабжают все военные суда. В Англии даже заложили специальный таранный броненосец, «Хотспур». У него пушки вообще играют роль вспомогательную, а главным оружием будет именно таран. И в других странах такие же строят: во Франции, например, или в Италии. Да и в Америке заложено несколько единиц.

– Мой папенька был в Америке! – похвастался Серёжа. – Он тоже моряк!

– Верно, – кивнула миловидная брюнетка. – Мой супруг, будучи артиллерийским офицером на корвете «Витязь», несколько лет назад посетил американский город Новый Йорк с эскадрой контр-адмирала Лесовского.

– Это во время войны их северных и южных провинций? – уточнил мичман. – Наша эскадра должна была помочь правительству президента Линкольна на случай вмешательства Британии. Тогда, кстати, и появился на свет прародитель нашего «Стрельца», броненосец северян «Монитор». Я сегодня о нем уже говорил, припоминаете?

– Да, господин мичман, – подтвердила собеседница. – Кстати, мой муж сейчас здесь, в Кронштадте. Он получил под команду винтовой корвет и готовит его к переходу на Тихий океан, во Владивосток, на Сибирскую флотилию.

Узнав, что прелестная мама Серёжи замужем за морским офицером, мичман сразу поскучнел. Будь она супругой какого-нибудь штафирки, вроде надворного советника или присяжного поверенного, можно было бы и рискнуть, закрутив необременительный роман. Но теперь...

Мичман по младости лет не подозревал, что от Ирины Александровны (так звали мать Серёжи) не укрылась эта перемена в его настроении. Впрочем, замужняя дама давно привыкла к повышенному вниманию со стороны юных мичманов и научилась относиться к этому с иронией.

– Я тоже стану военным моряком, как папа! – объявил во всеуслышание Серёжа, и прочие экскурсанты немедленно заулыбались. – И служить буду на всамделишном корабле, с мачтами и парусами!

Лейтенант потрепал мальчика по плечу.

– Конечно, будете, только надо сначала подучиться. Сколько вам лет? Семь, восемь?

– Девять! – гордо ответил тот. – Осенью уже в гимназию!

---

² Не путать с клипером «Крейсер». Корабль, о котором идет речь, первый русский мореходный броненосец, – в 1872 году, ещё в процессе достройки был переименован в «Петра Великого».

³ Шпирон – то же, что и таран у броненосных кораблей XIX и начала XX века. Иногда съёмный.

– Это хорошо. – серьезно кивнул мичман. – Три года в гимназии, потом Морской корпус. Только подумайте, какие к тому времени корабли будут? Но могу сказать наверняка: главной силой на море останутся броненосцы. За ними будущее, а не за парусниками – за их мощными пушками, за толстой броней.

И постучал костяшками пальцев, затянутых в белую перчатку, по башне монитора. Звук вышел глухой, будто по каменной глыбе.

– Слышите? Одиннадцать дюймов слойчатой стали на дубовой подушке, с подложкой из овечьего войлока, чтобы смягчать удары снарядов. Лет пять-семь назад ни о чем подобном мы и мечтать не могли; американцы во время своей гражданской войны вообще обшивали броненосцы раскованными в полосы железными рельсами, другой брони у них попросту не было. А пушки? Тогда они стреляли круглыми чугунными ядрами, а теперь есть и конические стальные снаряды, и шрапнели. Техника сейчас быстро идет вперед, особенно на флоте. Так что не загадывайте, юноша, кто знает, что напридумывают к тому времени, когда вы получите свой кортик?

– Все равно, – набылся Серёжа. – Главное, я стану морским офицером и служить буду на самых-самых могучих кораблях, а не на таких вот... плотях с жестянками!

Ирина Александровна покраснела, прикусила губку, отчего сделалась ещё обольстительнее, и дернула мальчика за рукав. Тот неохотно замолк.

– Извините его, господин... простите, запаматовала?

– Мичман Веселаго-первый, к вашим услугам, мадам! – бодро отрапортовал моряк. – И не ругайте вашего сына. Ну, не глянулся ему наш «Стрелец» – бывает, не беда! Главное, что флот пришелся по душе. Так что буду ждать, юноша, возможно, лет через десять нам ещё и доведется послужить вместе!

* * *

Вечером того же дня в квартире капитана второго ранга Казанкова, занимавшей половину третьего этажа дома на Литейном проспекте, царил уныние. Предстояла долгая разлука. Из Адмиралтейства Илье Андреевичу доставили пакет с распоряжением: через две недели его клипер должен покинуть Кронштадт и отправиться вокруг Европы и Африки, на Тихий океан. Серёжа принялся упрашивать отца, чтобы тот взял его с собой хотя бы юнгой. Старший Казанков лишь посмеивался: «Тебе надо в гимназию, иначе какой ты будешь офицер? Неуча в Морской корпус не примут!» Мальчик успокоился лишь после того, как отец пообещал привезти из Нагасаки, куда русские корабли заходят по пути во Владивосток, настоящую саблю японского самурая. Потом заговорили о том, как Серёжа с Ириной Александровной провели сегодняшний день. Мальчик во всех подробностях описал их визит в Кронштадт и осмотр «Стрельца».

В ответ на насмешки, щедро расточаемые сыном «банке из-под монпансье на плоту», старший Казанков неожиданно сделался серьезен. Он отлучился в свой кабинет и малое время спустя вернулся с большущей охапкой журналов – в основном выпусков «Морского вестника» и папок с вырезками из американских газет. И за следующие два часа Серёжа узнал и о бое «Виргинии» с «Монитором» на рейде Хэмптон-Роудс, и о флотилии отчаянного кептена Фаррагута, и о баталиях речных броненосцев на Миссисипи, и о броненосных лодках и башенных фрегатах, что строились для Балтийского флота по новой «мониторной» кораблестроительной программе, принятой в 1864 году.

Весь следующий день Серёжа провел у себя в комнате, упорно отражая попытки Ирины Александровны вытащить его на прогулку в Ораниенбаум. Высунув от усердия язык, мальчик старательно перерисовывал к себе в альбом схему орудийной башни Эриксона и боковую проекцию русского монитора «Единобог», родного брата «Стрельца», копировал из заграничных журналов схемы американских речных броненосцев. Серёжа твердо решил изобрести для Бал-

тийского флота невиданный броненосный корабль, на котором и будет служить, когда вырастет и окончит Морской корпус. И снова допоздна горела зеленая лампа в гостиной дома на Литейном, и шелестели страницы «Морского вестника», и ворчала Ирина Александровна, напоминая мужу, что мальчику давно пора спать...

Так и состоялось знакомство Серёжи Казанкова с мониторами.

III. Война объявлена!

Двенадцатого апреля 1877 года в Кишиневе, на торжественном молебне, состоявшемся после военного парада, епископ Кишинёвский и Хотинский Павел огласил Высочайший Манифест о войне с Османской империей. Захлопали крылья типографских машин, все вечерние газеты вышли с полным текстом Манифеста. В обеих столицах, во всех губернских городах на площадях собирались толпы; раздавались призывы пострадать за православную веру, оборонить от истребления братьев-болгар, наказать турок за ужасы, творимые над балканскими христианами. Началась запись добровольцев. Гимназисты старших классов, студенты, приказчики, коллежские регистраторы, только что получившие классный чин, – все готовы были бросить привычную жизнь и отправиться воевать на Балканы. В армии царило невиданное воодушевление; поговаривали, будто государь собирается лично возглавить отправляющуюся в поход гвардию. На огромном пространстве от Закавказья до Санкт-Петербурга неспешно, по российскому обыкновению, приходили в движение войска, обозы с провиантом, железнодорожные составы, морские и речные суда.

Не прошло и недели, как министр иностранных дел Англии лорд Дерби отправил канцлеру Горчакову дипломатическую ноту. В ней говорилось: «Начав действовать против Турции за свой собственный счет и прибегнув к оружию без предварительного совета со своими союзниками, русский император отделился от европейского соглашения, которое поддерживалось доселе, и в то же время отступил от правила, на которое сам торжественно изъявил согласие. Невозможно предвидеть все последствия такого поступка».

Депеша – возможно, слишком резкая в этой ситуации, – была оставлена Горчаковым без ответа. Англичане, однако, на этом не успокоились: русский посол граф Шувалов получил ещё одну ноту, в которой лорд Дерби, «во избежание возможных недоразумений», перечислил ряд пунктов, которые «ни в коем случае не должны быть затронуты военными действиями, иначе это задело бы интересы Британской империи и привело бы к прекращению ее нейтралитета и вступлению в войну на стороне Турции». В списке значились Суэцкий канал, Египет, Константинополь, Босфор, Дарданеллы и Персидский залив.

Общественное мнение Британии, от горлопанов из Гайд-парка до джентльменов, заседающих в Палате общин, требовало от правительства решительных действий: «Как и двадцать четыре года назад, остановим русского медведя!» Пока в Парламенте кипели дебаты, в кабинетах адмиралтейства легли на столы списки броненосных кораблей флота её величества – следовало заранее наметить, чем можно пригрозить русским. Первым инструментом устрашения станет Средиземноморская эскадра под командованием недавно назначенного на эту должность вице-адмирала сэра Джеффри Хорнби: на Средиземном море у Королевского флота достаточно броненосцев, чтобы сделать русского императора поговорчивее. Другой инструмент давления на Петербург, «Эскадру специальной службы», которой предстояло действовать на балтийском театре, предстояло ещё сформировать. Непростое это дело было возложено на вице-адмирала Этли Купера Ки.

* * *

– Воля ваша, а наш канцлер Горчаков – форменная тряпка! – кипятился Гreve. – Стоило англичанам пригрозить своими броневыми коробками, как почтенный старец перетрусил и пошел на попятную. Да ведь тот же Египет – часть Османской империи, египетские войска воюют против нас. Так нет, там, видите ли, замешаны интересы британской короны, а потому – ни-ни!

– Да, позицию канцлера принять непросто, – отозвался Серёжа Казанков. – Ведь как наше морское ведомство готовилось к этой войне! Взять хоть Средиземноморскую эскадру Бутакова: зря она, что ли, перед самой войной отправилась в Атлантику? Ей бы теперь войти в Средиземное море, парализовать крейсерскими действиями всю прибрежную турецкую торговлю...

– И не говори, братец! – скривился барон. – «Петропавловск» и «Светлана» могут на равных драться с любым турецким броненосцем. Бомбардирование прибрежных городов вызвало бы в Османской империи панику, а там, глядишь, восстали бы угнетенные народы – те же греки-киприоты или дикие аравийские племена. А наши крейсера, господствуя на средиземноморском театре, доставляли бы повстанцам оружие и припасы, а при необходимости поддерживали бы огнем пушек!

– Верно! – поддакнул Серёжа. – Да и об отряде контр-адмирала Лузина забывать не следует! «Баян», «Всадник», «Гайдамак», «Абрек» – что им стоит добраться до Персидского залива и навести там шороху? Вместо этого наш канцлер одним росчерком пера пускает все это псу под хвост. Двадцать девятого апреля бутаковская эскадра получает приказ вернуться на Балтику, а отряд Лузина остается на Тихом океане и никакого влияния на ход боевых действий оказать не сможет.

– Я слышал, великий князь Константин Николаевич, уже не заикаясь о Средиземном море, попросил разрешения у государя послать хотя бы парочку крейсеров в Атлантику, в район Бреста. И знаешь, Серж, что ответил ему управляющий Морским министерством? «Государь не согласен на ваше предложение, он опасается, чтобы оно не создало неприятностей и столкновений с англичанами по близкому соседству с Брестом!»! Яснее ведь ясного, что англичане блефуют – они сами до смерти боятся войны с Россией, поскольку в этом случае Германия немедленно нападет на Францию. И теперь за горчаковскую нерешительность придется платить кровью нашим солдатам на Балканах – кто знает, насколько затянется кампания без полноценного участия флота?

Война с Турцией стала главной темой споров, бесед, слухов не только в Петербурге, но и в любом городе Российской империи. Войну обсуждали все: и студенты в московских трактирах, и лабазные сидельцы, и приказчики где-нибудь в Нижнем Новгороде, и гимназисты казенных гимназий, и певчие церковного хора. И, уж конечно, война была в центре внимания только что выпустившихся из Морского корпуса мичманов, Карлуши Греве и Серёжи Казанкова. Это была война их поколения, их шанс начать карьеру морских офицеров со славных дел, их возможность послужить Отечеству. Как остро завидовали они мичману Остелецкому, получившему назначение в Севастополь и уже отбывшему к месту службы, пока они ждут приказов о назначении и вынужденно бездельничают в Петербурге! А дело меж тем затягивалось: в Адмиралтействе царил первозданный хаос, как в первый день Творения; приходилось неделю за неделей обивать пороги начальственных кабинетов, задавая один и тот же вопрос: «Когда?» «Погодите, молодые люди, – отвечали им. – Имейте терпение, видите, что у нас творится? Все бегают, как наскипидаренные, на уме одно – Балканы, Чёрное море! А вы пока отдохните, никуда ваши бумаги не денутся...»

Особенно переживал по поводу непредвиденной задержки барон Греве. Военный клипер «Крейсер», на который он был назначен на должность вахтенного офицера, застрял в Североамериканских Штатах на ремонте. Случись сейчас конфликт с Англией, именно «Крейсер» первым вырвется на судоходные линии, кишашие жирными британскими «торгашами». Но что от этого радости мичману Греве, если его самого к тому моменту не будет на борту?

Но всё когда-нибудь заканчивается. Бумаги о назначении наконец были получены. Они предписывали мичману Казанкову незамедлительно явиться на борт башенной броненосной лодки «Стрелец», стоящей в Гельсингфорсе. А вот мичману Греве, прежде чем вступить в должность вахтенного офицера клипера «Крейсер», предстояло ещё пересечь Атлантику.

– Как же теперь добираться до Филадельфии? – беспокоился за друга Серёжа. – Раньше всё было просто: из Одессы пароходом общества РОПиТ в Марсель, а оттуда в Америку, трансатлантическим рейсом французской пароходной компании. Но теперь война, Проливы перекрыты. Можно, конечно, по сухому пути: поездом, через Варшаву, в Берлин, а там и до Франции рукой подать. Но это сколько же времени уйдет!

Греве кивнул.

– Поспею как раз к шапочному разбору. Но, к счастью, в поезде трястись не придется: мне предписано сесть на пароход британского Ллойда, идущий из Санкт-Петербурга в Ливерпуль. А там рейсом какой-нибудь американской или британской судоходной компании за океан, в Северо-американские Штаты.

– Потеха, что и говорить! – хмыкнул Казанков. – Собираешься воевать с англичанами, но к месту назначения отправляешься через Англию, на английском же судне!

– Да будет ли ещё эта война... – отмахнулся барон. – Сам видишь: наше правительство и в особенности канцлер пуще смерти боятся раздражить англичан. Так что шансов поучаствовать в боевых действиях у меня немного.

– Ну, все же побольше, чем у меня на Балтике. С «Крейсером» и другими кораблями эскадры Бутакова ещё неизвестно, как обернется. Может, великий князь всё же уговорит государя, и вы отправитесь в Средиземное море? А нам в Маркизовой луже участие в войне никак не светит – разве что королева Виктория в самом деле решит вступить за турецкого султана и пришлет флот на Балтику. А до той поры остается только ждать. Ни до Атлантики, ни до Средиземного моря нашим мониторам добраться не под силу. И пока ты будешь кейфовать в пассажирской каюте, мне предстоит трястись на поезде до Гельсингфорса.

– Невелик крюк, – хмыкнул Греве. – Мы ещё не пройдем Готланд, а ты уже будешь на своем «Стрельце», адмиральский чаёк прихлебывать. От Петербурга до Гельсингфорса по рельсам всего ничего; ночь проспийшь в вагоне – вот тебе и столица великого княжества Финляндского!

IV. Гельсингфорс

Финская столица встретила мичмана Казанкова ярким солнцем, веселеньким небом, отражающимся в высокоблещенных от мусора мостовых голубого финского камня, яркой майской зеленым бульваров, по которым бегали зеленые же вагончики конки, гомоном незнакомой финской речи с подножек. Русский язык звучал здесь нечасто; говоривший обыкновенно носил либо офицерский сюртук, либо матросскую фланельку или солдатскую рубаху. Ведь в Гельсингфорсе стоит флот, в Свеаборге – крепость; в городе полно семей флотских и гарнизонных офицеров, таможенных и портовых чиновников. И это они здесь хозяева, сколько ни вешай на фасадах домов вывески на финском и шведском языках.

От вокзала, куда в 7:30 утра (точно по расписанию, минута в минуту) прибыл петербургский скорый, Серёжа добирался на извозчике. В списке строгих кастовых правил, на которых строится жизнь флотского офицера, имелся строжайший запрет на поездки в конке. Да и в поезде следовало приобретать плацкарту не ниже второго класса – иначе никак, ущерб чести мундира! Так что из Санкт-Петербурга Серёжа ехал в желтом вагоне⁴, в обществе студента-финна, возвращавшегося домой после экзаменов.

Попутчик не относился к малоимущей студенческой братии, зарабатывающей на жизнь уроками или переписыванием театральных пьес. Место во втором классе, новый, из английского сукна сюртук, дорогой несессер в сафьяновой коже с серебряными уголками ясно свидетельствовали о том, что их владелец отнюдь не испытывает недостатка в средствах. И верно, когда попутчики разговорились, выяснилось, что студент – сын промышленника, владеющего сыроварнями и молочными фермами.

Сынок сыровара мало походил на студентов, знакомых Серёже по Петербургу. Например, по поводу Балканской войны, принятой в студенческой среде с энтузиазмом, он отзывался скептически, даже пренебрежительно: «Мало вам, русским, своей земли, ещё и других жить учите!» А на Серёжины возражения насчет православных братьев-славян, изнемогающих под османским игмом, процедил: финны-де не славяне, да и вера у них другая, лютеранская, как у шведов.

Ответ Серёжу озадачил. По-хорошему, надо было немедленно бить собеседника в харю, после чего давать унижительные объяснения сначала вагонному кондуктору, а потом и в полиции, на ближайшей станции, где его, несомненно, высадят за учинённый дебош. Либо сделать вид, что ничего не произошло. Мичман так и поступил, но эти намерения, видимо, ясно отразились на его физиономии, потому как попутчик умолк, поперхнувшись очередной язвительной репликой. Остаток пути они провели в молчании, нарушаемом лишь шорохом газет да позвякиванием ложечек в стаканах с чаем, которые исправно таскал в купе вагонный служитель. И вот теперь новоиспеченного мичмана мучили сомнения: а стоило ли оставлять наглого финна безнаказанным? Любой павлон⁵ или выпускник Николаевского кавалерийского училища на его месте не раздумывал бы ни секунды. Но подобает ли морскому офицеру устраивать скандал, да ещё и в поезде?

За этими мыслями Серёжа не заметил, как пролетка свернула с Михайловской улицы, миновала Северную эспланаду и выкатилась на Рыночную площадь, откуда открывался великолепный вид на Южную гавань. Это был исторический центр города; брусчатка мостовых обрывалась здесь гранитными набережными, к которым швартуются большие торговые суда под датскими, шведскими и бог знает ещё какими флагами. Отсюда финские пароходики,

---

⁴ В дореволюционной России вагоны имели разный цвет, в зависимости от классности. Синие – первый класс, желтые – второй, зеленые – третий, для простонародья.

⁵ Павлонами называли юнкеров и выпускников Павловского военного училища в Санкт-Петербурге.

построенные на коммерческих верфях в Або, расползаются в Свеаборг, на острова и дальше, по всему Финскому заливу до Трогзунда, Риги, Ревеля, Санкт-Петербурга. Веселое апрельское солнышко играет на легкой ряби акватории, то тут, то там испятнанной парусами прогулочных яхт и шхун финских рыбаков. А посреди залива, напротив Обсервационного холма лежит чёрная на серо-стальной воде глыба броненосного башенного фрегата «Адмирал Грейг».

Вдоль западного берега гавани стоят на бочках мониторы «Единорог», «Вещун» и двухбашенный «Смерч»; мористее островка Блекхольмен несет бандвахтенную службу⁶ деревянная канонерка «Отлив», одна из тех, что были построены ещё во времена Крымской войны.

«Стрельца» мичман обнаружил не сразу – приткнувшийся к свайному пирсу монитор скрывало длинное кирпичное здание пакгауза. Туда и направился Серёжа, расплатившись с извозчиком непривычной финской маркой и получив на сдачу горсть медных пенни.

Над трубами боевых кораблей курились дымки – машинные команды разводили пары, готовясь к выходу в море. На пирсе суетились фигурки в форменках; белая шляпка отвалила от берега и полетела, подгоняемая ударами весел, к «Адмиралу Грейгу». Даже на таком расстоянии до слуха мичмана долетал зычный рык шлюпочного старшины: «Два-а-а – раз! Дваа-а – раз!», в такт взмахам весел. Заметив, что на «Стрельце» стали убирать сходни, Серёжа припустил рысцой. Сзади пыхтел на бегу финн, которого мичман подрядил донести до пирса, где стоял монитор, чемодан и портплед. Не хватало ещё и опоздать!

* * *

Торопился он не напрасно. Приказом вице-адмирала Бутакова отряду предписывалось выйти на Кронбергс-рейд и в течение двух часов производить там практическое маневрирование. После чего, не возвращаясь в Гельсингфорс, следовать к Свеаборгу на соединение с основными силами эскадры. Задержись Серёжа хоть на полчаса – пришлось бы ему добираться до крепости самостоятельно.

Не прошло и четверти часа, как отряд, выстроившись в две кильватерные колонны, двинулся с рейда. Ветер задувал со стороны моря, и чёрную угольную пелену относило за корму, застилая вид на оставленный позади город. С попадавшихся навстречу яхт махали шляпами и платочками, а прогулочные пароходики приветствовали отряд пронзительными гудками. Железные черепахи неторопливо ползли, не снисходя до штатской мелочи. В этом движении тысяч тонн брони, дерева, орудий было нечто столь величественное, что у Серёжи перехватило дыхание. Он наблюдал за броненосными колоннами с площадки башни, куда пригласил его командир монитора, капитан второго ранга Повалишин. «Сейчас некогда, голубчик, – сказал он. – Вы уж поскучайте немного, присмотритесь, а как придем в Свеаборг – сразу поставлю вас в расписание вахт».

Открытое море неласково встретило русские корабли. Волны прокатывались по палубам мониторов, ударяли в наглухо запечатанную башню, окатывали шквалом брызг коечные сетки и укрывающихся за ними людей. Серёжин штормовой плащ остался в багаже, и он сразу вымок до нитки, но предложение спуститься в низы стоически отверг. Повалишин не стал настаивать, лишь усмехнулся в усы и отвернулся, оставив мичмана на милость стылого балтийского ветра.

К полудню ветер и волнение усилились; небо посмурнело, стал накрапывать мелкий дождь. Несмотря на это, отряд исправно выполнил все положенные экзерциции: мониторы перестраивались, держа интервалы, поворачивали последовательно и «все вдруг», выписывали циркуляции и координаты⁷.

---

⁶ Брандвахта – военный корабль, несущий сторожевую службу в акватории порта.

⁷ Координат – уклонение эскадры или отдельного корабля в сторону от прежнего курса с целью избежать опасности или приблизиться к чему-нибудь; делается в обе стороны – вправо и влево.

Когда пробили седьмую склянку, с «Адмирала Грейга» просемафорили флажками: «Приготовиться к повороту. Идем к Свеаборгу». У Серёжи к тому времени уже зуб на зуб не попадал, и Повалишин, в очередной раз покосившись на промокшего и иззябшего подчиненного, командовал:

– Ступайте-ка, мичман, вниз да велите буфетчику сообразить адмиральский чаёк. И не думайте отказываться, не хватало ещё в первый день службы подхватить простуду и слечь в горячке!

Спорить было бесполезно, да и не особо хотелось. Серёжа, испытывая немалое облегчение, полез по скобам трапа вниз, в жаркое, удушливое чрево монитора, гадая, куда вестовой мог засунуть его чемодан. Нестерпимо тянуло переодеться в сухое и отведать, в самом деле, «адмиральского чаю». Этот напиток готовится из двух компонентов: коньяка и крепко заваренного чая. Для правильного употребления следовало отпить чаю из кружки примерно на четверть, после чего долить доверху коньяком. Процедура эта повторялась желаемое количество раз – незаменимо после штормовой вахты!

Правда, мичман Казанков вахты ещё не стоял; строго говоря, он даже не может считаться зачисленным в команду, пока капитан не сделает соответствующую запись в судовом журнале. Но молодой человек полагал себя вправе отведать этот сугубо флотский нектар, прелести которого человеку сухопутному понять не дано. Тем более что на то имелось прямое указание начальства, которому, как известно, виднее. Морская служба началась.

У. Пушки, снаряды, броня

Две недели Серёжа осваивался на «Стрельце», заглядывая в самые укромные уголки, от угольных ям до подшкиперской. Командир «Стрельца», капитан второго ранга Иван Федорович Повалишин, снабдил его пачкой номеров «Морского вестника» со статьями о проектировании, постройке и испытаниях первых русских мониторов.

Необходимость в судах этого класса появилась в 1863 году, когда замаячила на горизонте угроза войны с англо-французской коалицией. Современных боевых кораблей в составе Балтийского флота на тот момент не было вовсе, что и подтолкнуло правительство срочно предпринять меры к защите Финского залива и морских подступов к столице. Крымская война оставила чахлое наследство в виде десятка-другого деревянных винтовых канонерок – но, увы, эти скорлупки, неплохо послужившие в кампанию 1854–1855 годов, теперь уже никуда не годились. Заказанные броненосные плавучие батареи находились в постройке. И тогда внимание адмиралтейства привлекли американские башенные броненосные лодки конструкции шведского инженера Эриксона.

Для их изучения в САСШ⁸ спешно откомандировали двух офицеров. По возвращении они представили подробные чертежи и спецификации монитора типа «Пасаик». В докладе указывалось, что корпус такого судна практически полностью погружен в воду и представляет малозаметную цель, а его скромные размерения позволили бы с легкостью действовать в мелководных стесненных районах Финского залива.

Может, американский проект и был далёк от совершенства, но времени у русских кораблестроителей не было. Не имелось также и собственного опыта постройки броненосных кораблей – не говоря уже о вечной стесненности в средствах. Так что в марте 1863 года Морское министерство утвердило так называемую «мониторную кораблестроительную программу». За основу была принята все та же конструкция Эриксона, несколько доработанная в модельной мастерской Петербургского порта.

Для ускорения работ заказы на постройку судов разделили. Броненосные башенные лодки «Ураган», «Тифон», «Стрелец», «Единорог», «Броненосец», «Латник», «Перун» и «Лава» были заложены на казённых заводах и частных верфях Санкт-Петербурга, ещё две – «Колдун» и «Вещун» – строились на заводе Кокерилиа в Бельгии и по частям были доставлены в Санкт-Петербург, где их и собрали. Машины для «Урагана», «Тифона», «Стрельца» и «Единорога» изготовили на заводе Берда, для «Броненосца» и «Латника» – на заводе Карра и Макферсона, для «Лавы» и «Перуна» – на Ижорском заводе, для «Колдуна» и «Вещуна» – на фабрике общества «Кокериль». Слоичатая броня была российская, Ижорского завода. Все десять были закончены постройкой необычайно быстро, всего за год, и приняты в казну в 1865 году.

Вот что писал «Морской вестник» о конструкции башенных броненосных лодок: «...су да эти составлены изъ двухъ частей: нижняя, длинная, имѣетъ форму плоскодонныхъ судовъ, а верхняя длиннѣйшая представляетъ плотъ съ заостренными оконечностями. Борта верхней части прикрыты наделкой изъ дубовыхъ и сосновыхъ брусевъ, толщиной въ 39 дюймовъ, которая одѣта броней изъ однойдюмовыхъ желѣзныхъ листовъ, въ пять рядовъ. Надводная часть возвышается надъ горизонтомъ воды всего на 14 дюймовъ и представляетъ огню противника весьма незначительную цѣль; носовая же оконечность можетъ служить тараномъ. Внутри каждая лодка раздѣлена непроницаемыми переборками, на шесть отдѣлений. Въ первомъ съ кормы батарея электрическаго телеграфа и помѣщеніе для механическихъ

⁸ Северо-Американские Соединенные Штаты, устаревшее название США.

припасовъ; во второмъ – механизмъ съ котлами; въ третьемъ – уголь; въ четвертомъ – механизмъ для вращенія башни, камбузь и шульцы; въ пятомъ – помещеніе для команды и офицеровъ и крѣйтъ-камера; въ шестомъ, носовомъ, – брашпиль. На верхней палубѣ, не имѣющей фальшбортовъ, помещается вращающаяся башня съ двумя орудіями, а надъ ней неподвижная рубка для рулевого и командира. Башня и рубка состоятъ изъ желѣзныхъ листовъ, толщиной въ 1 дюймъ: первая изъ 11, вторая изъ 8. Палуба покрыта двумя рядами желѣзныхъ листовъ; труба на высоту 8 дюймовъ отъ палубы покрыта блиндированнымъ коухомъ, изъ 6 рядовъ дюймовыхъ листовъ...»

Серёжа тщательно изучил все, что относилось к артиллерийскому хозяйству «Стрельца». Ему, как второму артиллерийскому офицеру, были поручены подбашенное отделение, бомбовый и пороховой погреба. В пороховом погребе, или крѣйт-камере, хранились полузаряды дымного пороха в хлопчатобумажных картузах, уложенные в деревянные, обитые от сырости свинцом ящики. В бомбовом погребе на дубовых стеллажах покоились чугунные бомбы и заряды латунной картечи. Все это надлежало содержать в строжайшем порядке, постоянно заботясь о борьбе с сыростью. Трюмов как таковых на «Стрельце» не было; вода, попавшая внутрь корпуса, скапливалась в льялах, в трехчетырех футах под рабочими, жилыми и складскими помещениями, отчего там царила самая промозглая сырость. В результате хлопчатобумажные картузы приходилось постоянно перебирать и перекладывать для просушки, а бомбы и картечи осматривать на предмет следов ржавчины, меняя время от времени покрывающий их густой слой сала.

Орудиями ведал старший артиллерист, лейтенант Онуфриев. По первоначальному проекту «Стрелец», как и остальные мониторы «американской» серии, нес два девятидюймовых гладкоствольных дульнозарядных орудия Круппа образца 1864 года. Позже, в 1868-м, их заменили на пятнадцатидюймовые чугунные пушки, также заряжающиеся с дула. К каждому из этих монстров полагалось по полсотни чугунных бомб с начинкой из чёрного пороха. В 1872–1874 годах мониторы перевооружили заново. На этот раз они получили по две девятидюймовки образца 1867 года.

Башня, массивное цилиндрическое сооружение из клепаных многослойных броневых листов, вращалась на вертикальном штыре, с приводом через зубчатое колесо и цепь, от вспомогательного паровичка в восемьдесят индикаторных сил. В стенке башни имелись две вертикальные прорези амбразур; при плохой погоде их задраивали железными заслонками.

Старший артиллерист прочел Серёже целую лекцию об орудиях «Стрельца». Оказывается, когда в июле 1868 года встал вопрос об очередном перевооружении, Крупп предложил использовать для этого старые девятидюймовые орудия, которые изначально стояли на мониторах. В 1863 году, когда они были изготовлены, Крупп не брался отливать стальные пушки такого калибра, а потому на казенные части стальных стволов весом в четыре с половиной сотни пудов набили 330-пудовые чугунные оболочки. Теперь же стальные стволы старых орудий переделали: сделали в канале ствола нарезы, приспособили клиновидные цилиндрические замки и усилили казённые части под более мощные пороховые заряды. Для этого чугунные оболочки с казённых частей снимали, заменяя двумя рядами массивных стальных колец.

К обновленным орудиям полагалось два вида боеприпасов: чугунные бомбы, с начинкой в четверть пуда дымного пороха, и латунная картечь. Имелось и небольшое количество стальных снарядов со свинцовой оболочкой или с тремя медными поясками, но ими разрешено было стрелять лишь в военное время; свинец и медь направляющих поясков быстро забивали нарезы, отчего возникала опасность разрыва ствола.

От хронического недостатка места на «Стрельце» страдали все десять офицеров и сотня унтер-офицеров и нижних чинов, составлявших экипаж монитора. Внутренние помещения были такими низкими, что человеку среднего роста приходилось пригибаться, чтобы не заде-

вать макушкой подволок. Офицерские каюты, кают-компания смотрелись сущими клетушками, на камбузе страдала бы от тесноты и кошка.

Но, несмотря на все эти неудобства, «Стрелец» Серёже понравился. Монитор представлялся юноше воплощением механической и броневой мощи нового флота, и не беда, что ему недоставало лихой парусной красоты клиперов и винтовых корветов. Не зря «броненосники» пренебрежительно называли команды этих судов «марсофлотами», полагая свои корабли предвестниками новой эпохи в военном судостроении. Откроем снова «Морской сборник»:

«...намъ пріятно засвидѣтельствовать, что мониторы наши суть вполнѣ дѣйствительныя суда, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующія цѣли, для которой предназначаются, то есть прибрежной защиты Кронштадта и русскихъ береговъ Балтійскаго моря и Финскаго залива. Они надежный оплотъ противъ непріятеля и, вооруженныя 9-дюймовыми стальными нарѣзными орудіями, могутъ смѣло выжидать въ своихъ водахъ броненосцевъ другихъ націй».

VI. Нам пишут с войны

В середине июня эскадра броненосных судов вернулась в Кронштадт, и «Стрелец» встал на плановый ремонт. Длительное практическое плавание истощило силы стареньких механизмов, но ремонтные бригады были все наперечет, и командир монитора, капитан второго ранга Повалишин для сбережения времени решил произвести работы своими силами. Так что вместо загула на берегу команду ожидал непрекращающийся аврал. Серёжу Казанкова, как младшего из офицеров, гоняли пуще других. На его долю, кроме нудных стояночных вахт и наблюдений за текущими судовыми работами, выпало помогать в переборке котлов старшему инженеру-механику Малышеву. «Вас, юноша, в навигации натаскивали, в теории кораблевождения, в морской тактике. Механические премудрости в Морском корпусе не в чести, а на флоте теперь повсюду паровые машины и прочие сложные механизмы. Приобретете навык, подучитесь, да и службе от этого прямая польза – мало ли как может обернуться, будет кому заменить выбывшего инженера-механика...»

Серёжа до того уставал, что не съезжал по вечерам на берег, ночуя на мониторе, в тесной, узкой, как пенал гимназиста, каютке, которую он делил со штурманом, мичманом Прибыловым. Довольно скоро юноша познакомился с проверенной веками флотской службой истиной: «Если хочешь спать в уюте, спи всегда в чужой каюте». К сожалению, на «Стрельце» это золотое правило срабатывало редко: это на клипере или фрегате вестовому не так уж просто отыскать офицера, решившего добрать свои законные пару часов сна после вахты в каюте приятеля. На мониторе офицерских кают было всего шесть, и располагались они по соседству. Так что опостылевшее «вашбродие, хас-спадин мичман, сей же час к командиру!» проникало через тонкие переборки, не разбирая, где чье обиталище.

Во время ремонта освященные традицией порядки кают-компаний соблюдались не так строго. Офицеры постоянно были либо в разгоне, либо заняты каким-нибудь неотложным ремонтом. Перекусывали когда придется, чаще всего всухомятку, запивали бутерброды крепчайшим чаем, выкраивая для этого четверть часа между текущими работами и авралами. Серёжа, по примеру других, завел обыкновение просматривать за столом свежие газеты – благо их регулярно доставляли на борт с почтой. На первых полосах всех изданий красовались непременно сводки с театров военных действий.

Кампания 1877 года началась для России благоприятно и на суше и на море. Несмотря на то что на Чёрном море господствовал многочисленный и сильный турецкий флот, русским морякам удалось задать османам перца. Особенно отличился пароход «Великий князь Константин» под командованием лейтенанта Степана Макарова. Это судно, переоборудованное с началом войны в матку минных катеров, совершило несколько дерзких рейдов против турецких сил, пытавшихся установить блокаду русского побережья. Вот как описаны события тех дней в популярном еженедельном журнале «Нива»:

«...наши моряки произвели отважный поискъ. Пароходъ “Константинъ” подошелъ къ Батуму, остановился въ 7 миляхъ отъ берега, выслалъ на рейдъ 4 миноносныхъ катера, которыя атаквали встрѣтившійся турецкій пароходо-фрегатъ. Подведенная мина, къ сожалѣнію, не разорвалась; но на фрегатъ и на рейдъ поднялась тревога, открытъ ружейный и картечный огонь, такъ что наши катера должны были разойтись въ разныя стороны. Два ихъ нихъ, “Чесма” и “Синопъ”, явились въ Поти, а другіе два успѣли возвратиться къ пароходу “Константинъ”, который благополучно пришелъ 3 мая съ разсвѣтомъ въ Севастополь...»

Неуспех батумской вылазки не смутил Макарова. Месяца не прошло, как катера «Константина» произвели новую атаку, взорвав в румынском порту Селин броненосный корвет «Иджлалие».

И всё же судьба текущей кампании решалась не на море. В середине июня войска, пройдя по территории Румынии, в нескольких местах навели переправы через Дунай. Но сначала надо было нейтрализовать речные силы турок, несколько мониторов и канонерских лодок. Для этого переправы прикрыли береговыми батареями и минными постановками. По железной дороге доставили минные катера, которые и начали охоту за турецкими речными судами.

Газеты пестрели рассказами о том, как катера лейтенантов Шестакова и Дубасова атаковали и подорвали шестовыми минами турецкий монитор «Хивизи Рахман»:

«...Экскурсія съ цѣлью взрыва монитора предпринята была ими 14 мая добровольно. Дубасовъ отправился съ 14-ю добровольцами на катеръ “Цесаревичъ”. Лейтенанты гвардейскаго экипажа Петровъ и Дубасовъ подвели подъ броненосецъ торпеду, которое, приподнявъ одинъ бортъ броненосца, обдалъ турокъ водою. Раздались крики и послѣдовали выстрѣлы; но Шестаковъ подошелъ къ другому борту и, подведя на значительной глубинѣ торпеду, взорвалъ броненосецъ. Инициатива и руководство предпріятіемъ принадлежали Дубасову. Онъ первый, подъ выстрѣлами пушекъ и ружей, взорвалъ торпеду, подведенное подъ лѣвый бортъ турецкаго монитора. Послѣдній сталъ медленно погружаться въ воду, причемъ и катеръ залило водою. Шестаковъ, подъ огнемъ двухъ турецкихъ мониторовъ и парохода, подошелъ къ тому же борту, противъ котораго дѣйствовалъ Дубасовъ и подведя второе и третье торпеду, произвелъ взрывъ. Нападеніе четырехъ катеровъ продолжалось 20 минутъ, при слабомъ огнѣ команды, производившемся съ такимъ хладнокровіемъ, какъ бы на ученѣ. Большимъ мужествомъ и находчивостью отличились майоръ Муржеску и лейтенантъ гвардейскаго экипажа Петровъ. Броненосецъ, взорванный ими, назывался “Хивизи-Рахманъ” и принадлежалъ къ типу башенныхъ, покрытыхъ броней мониторовъ. Такія подвиги нашихъ молодцовъ артиллеристовъ и моряковъ повѣли между прочимъ къ тому, что англійское правительство распорядилось пріостановить работы по постройкѣ новыхъ мониторовъ».

Еще один монитор отправила на дно реки тяжелая мортирная батарея. Лишившись господства на реке, турки более не решались на активные действия, чтобы воспрепятствовать форсированию Дуная. В результате первый рубеж на пути к Константинополю был сдан без серьёзных боев.

Один из русских военных корреспондентов так освещал эти события: «По своимъ результатамъ этотъ удачный выстрѣлъ стоитъ большого выиграннаго сраженія. Кромѣ матеріальнаго ущерба, турки понесли другой ущербъ, моральный, гораздо болѣе чувствительный, чѣмъ первый. Ещё и прежде турецкія матросы недолюбливали панцирныхъ судовъ и боялись ихъ – теперь у нихъ окончательно подорвана вѣра въ свои броненосцы. Онѣ не называютъ ихъ иначе, какъ пловучими желѣзными гробами, а послѣ взрыва “Люфти-Джелиля” матросы начинаютъ дезертировать съ панцирныхъ судовъ. “Намъ говорили, – ссылаются они, что мы со своими мониторами разгромимъ русскихъ, что мы непобѣдимы, а выходитъ совсѣмъ другое дѣло – мы ещё ничего русскимъ не сдѣлали, а они однимъ выстрѣломъ посылаютъ насъ на дно сотнями”».

Дѣйствительно, неудобство имѣть мониторы въ рѣкѣ, берега которой заняты непріятельскими батареями, стало очевидно. Запертыя, стѣсненныя всюду турецкія панцирники стоятъ въ жалкомъ бездѣйствіи и не рискуютъ померяться силами съ нашими батареями».

Серёжа испытал легкий укол зависти, обнаружив в списке офицеров, представленных за потопление турецкого монитора к ордену св. Анны, мичмана Остелецкого. Выходит, Венечка первым из троих приятелей понюхал порошу и даже сумел отличиться, пусть и на сухом пути! На какой-то миг Серёже захотелось снять мундир и, позабыв о вахтах, авралах, прогоревших котельных трубках, отправиться за Дунай простым волонтером. А то ведь просидишь всю войну в душных, пропитанных угольной вонью и машинным маслом низах «Стрельца», пока другие геройствуют и получают кресты!

Однако, перечитав ещё раз заметки о поражениях турецкого флота, юноша задумался. Конечно, хорошо, что русские моряки и артиллеристы легко разделяют под орех мониторы османов. Но ведь и он, мичман Казанков, несет службу на мониторе, и, доведись им принять бой – не окажется ли «Стрелец» столь же уязвимым?

В конце мая пришло письмо от Гreve. До Англии барон добрался без помех, а вот дальше случилась задержка. Барон изъяснялся обиняками, и Серёжа понял лишь, что его друг обосновался в Портсмуте, где наблюдает за перемещением броненосных судов Королевского флота.

Но жизнелюб Гreve не унывал. Клипер «Крейсер», на который он рвался со всем пылом своей мичманской души, все ещё отстаивался в Филадельфии, в сухом доке судостроительной фирмы «Уильям Крамп и сыновья», так что торопиться пока резона не было. А вот увидеть своими глазами корабли, с которыми, может статься, скоро придется встретиться в бою, свести знакомство с офицерами британского флота, подлинными «законодателями мод» в военноморской науке, осмотреть верфи и заводы, где куется мощь Владычицы морей, – когда ещё выпадет такой случай?

Лязгнула стальная дверь, и на пороге возник командир. Серёжа было вскочил, чтобы вытянуться перед начальством в струнку, но вовремя спохватился – в кают-компании традиционно обходились без чинов.

Повалишин уловил Серёжину растерянность и усмехнулся – едва заметно, уголком рта.

– Вы, Сергей Ильич, когда в последний раз сходили на берег? – небрежно поинтересовался он у мичмана. – Кажется, позавчера или третьего дня?

Серёжа в замешательстве уставился на командира и начал загибать пальцы, что-то беззвучно шепча одними губами. Повалишин только покачал головой.

– Да, дюша мой, вы скоро о комингсы⁹ начнете спотыкаться. Так нельзя, мы же с вами не в океанском походе; безвылазно под броней сидя, вконец одичаете!

– Очень много работы в котельном отделении, – принялся оправдываться мичман. – Арсений Петрович торопит, хочет поскорее закончить замену прогоревших трубок во втором котле...

– Я уже говорил с ним. Вы славно поработали, Сергей Ильич, теперь в котельном и без вас управятся к сроку. А вы, пожалуй, составьте мне компанию в Петербург... У меня, видите ли, в столице неотложные дела, а тут, как назло, надо забрать в Морском техническом комитете новые таблицы для стрельбы. Дело это небыстрое, боюсь, вовремя не управлюсь. А таблицы нужны кровь из носу – на двенадцатое намечены показательные манёвры, сам великий князь будет! Хорошо бы заранее поупражняться с установками по этим таблицам. Вы уж не откажите, Сергей Ильич, возьмите на себя хлопоты в комитете. Заодно и развеетесь – прогуляетесь по Невскому, в театр сходите, с барышнями полюбезничаете...

---

⁹ Комингс – вертикальное ограждение грузового, светового и сходного люка, а также двери от попадания воды внутрь помещения.

Серёжа слегка покраснел. Как признаться, что он до сих пор испытывает необъяснимую робость перед представительницами прекрасного пола? Впрочем, предложение командира пришлось как нельзя более кстати – мичман только теперь осознал, до какой степени он вымотался. Захотелось ощутить под ногами тротуары Невского проспекта, вымощенные шестиугольными дубовыми плашками, попить кофе во французской булочной на углу Литейного, куда он захаживал ещё в свою бытность гардемаринком. Тесное помещение кают-компании наполнилось пряным ароматом кофе с корицей, кориандром и мускатным орехом, который подают в крошечных, китайского полупрозрачного фарфора чашечках. Серёжа невольно сглотнул, отгоняя восхитительное видение прочь.

– Спасибо, Иван Федорович, с удовольствием!

– Вот и хорошо, душа мой. «Ижора» отваливает часа через полтора, вы пока собирайтесь, а я пришлю за вами вестового. Да, и не забудьте зайти к судовому ревизору, возьмите сколько-нибудь из причитающегося вам жалованья. Слишком много брать не советую – вам, мичманам, лишь бы погусарствовать! Оглянуться не успеете, как спустите все до полушки.

VII. «Чижик-пыжик» и другие

Против ожидания, таблицы удалось получить без особых проволочек. Упрятав тощие, в картонных переплетах папки в портфель, мичман Казанков покинул здание адмиралтейства и направился в сторону Невского. На часах – пять пополудни, в Кронштадте его ждут только завтра, к первой ночной вахте¹⁰ – так почему бы не последовать совету начальства? Право же, он честно заслужил отдых, копаясь в закопченных кишках водогрейного котла системы Мортон.

К тому же Серёжа успел порядком проголодаться – Повалишин сдернул его в Петербург, не дав толком пообедать. На «Ижоре», колесном пароходике, раз в сутки бегающем из столицы в Кронштадт и обратно, буфета не оказалось. Не беда – время есть, можно где-нибудь посидеть, насладиться хорошим обедом, прикинуть, где с толком провести вечер. Надо только пристроить где-нибудь портфель с треклятыми таблицами, чтобы не таскаться с ним по всему Петербургу...

Серёжа свернул на набережную Мойки, миновал зеркальные двери ресторана «Данон» возле Полицейского моста. Не зашел он и в кофейню «У Жоржа» на углу набережных Фонтанки и Крюкова канала. Кофе – это, конечно, замечательно, но меренгами и бисквитами сыт не будешь. Так, в раздумьях, Серёжа и дошагал до «Латинского квартала», расположенного в ротах Измайловского полка. Здесь была вотчина студентов – Императорского университета, Технологического института, Путейского, Института гражданских инженеров и бог весть ещё каких высших учебных заведений.

Подходящее место нашлось довольно быстро. Серёже, в бытность его в Морском корпусе, случалось бывать здесь в компании приятелей из Путейского института. С тех пор прошло два года; приятели закончили учёбу и разъехались по городам и весям, а Серёжа сменил гардемаринскую форменку на офицерский сюртук. Трактир же никуда не делся, даже выбор блюд остался прежним – без изысков, зато сытно и по карману здешним обитателям. Нравы в трактире царили самые либеральные: половые не требовали от студентов, засевших в углу за конспектами, все время делать заказы. Взял малый чайник заварки, самовар кипятка и пару бубликов с маком – сиди, доливай, прихлебывай, хоть до самого закрытия!

Флотские офицеры были здесь редкими гостями. Половой, увидав мичманский сюртук и кортик, устроил гостя на местечко почище и шлепнул на стол засаленную книжку меню. Но не успел Серёжа сделать заказ, как рядом вразнобой грянуло:

Не слышно на палубах песен,
Эгейские волны шумят...
Нам берег и душен и тесен,
Суровые стражи не спят...¹¹

Он обернулся. Соседний стол (вернее, два стола, сдвинутые вместе) украшал обычный в таких случаях *nature morte*¹²: тарелки с остатками дешевых закусок, ведерный самовар, батарея винных бутылок и штофов казенного белого хлебного вина¹³. Пели трое: тощий студент в мундире Училища правоведения («чижикпыжик», как их прозвали за желто-зеленые мун-

---

¹⁰ При трехсменной вахте первая дневная с 08:00 до 12:00, а ночная – с 20:00 до 24:00.

¹¹ Песня на стихи Н. Щербины в подражание песням греческих пиратов-партизан. Была популярна во время Крымской войны и Балканской кампании 1877–1878 годов.

¹² Натюрморт (итал.). Жанр живописи, изображение даров земли и моря.

¹³ Так тогда называли водку.

диры и зимние пыжиковые шапки), коротко стриженный широкоплечий крепыш с петлицами «Техноложки» и ещё один, в сдвинутой на затылок фуражке Межевого института.

Кроме этих трёх, за сдвинутыми столами устроилось ещё с полдюжины народу, и среди них две барышни, чей облик выдавал курсисток. Одна пыталась подпевать. Голос у неё был очень даже неплох, но слов она не знала, а потому путалась в куплетах, сбивалась и краснела.

Раскинулось небо широко,
Теряются волны вдали.
Отсюда уйдём мы далеко,
Подальше от грешной земли...

Песню Серёжа узнал. Няня, ходившая за мальчиком, пока ему не исполнилось пять лет, законная супружница отцовского вестового Игната, который за время службы побывал с Ильей Андреевичам под самыми разными широтами, частенько напевала ее возле детской кроватки:

Не правда ль, ты много страдала?
Минуту свиданья лови...
Ты долго меня ожидала,
Приплыл я на голос любви.

Правда, в нянином исполнении песенка звучала жалостливо, а студенты выводили ее как героическую балладу:

Спалив бригантину султана,
Я в море врагов утопил
И к милой с турецкою раной
Как с лучшим подарком приплыл...

Землемер грохнул кружкой о столешницу, отчего самовар подпрыгнул на гнутых ножках, и ещё раз проревел последнюю строку:

...как с лучшим подарком приплыл!

По залу одобрительно загудели голоса – песня понравилась.
– ...Сербия разорена войной и не даст помощи, – «чижик-пыжик» звякнул вилкой по краю блюда с жареной поросятиной. – Румыны – те ещё вояки...

Видимо, Серёжа стал невольным свидетелем спора, завязавшегося до его появления.

– А как же Вильгельм Первый? – землемер ткнул пальцем через плечо, что, видимо, должно было означать направление на Берлин. – Он-то нам союзник?

– Что Вильгельм? – пренебрежительно отмахнулся правовед. – Все решает Бисмарк, а он сказал: весь балканский вопрос не стоит костей одного померанского гренадера. На Германию нечего рассчитывать, удержат от вмешательства Австрию, и то ладно...

– Николай прав, союзников у нас нет, – добавил стриженный крепыш и потянулся через стол за штофом, – а идти на попятную поздно: если войска отойдут за Дунай, турки отыграются на болгарских христианах. Прошлогодня резня – пятьдесят тысяч душ, женщины, дети, старики – покажется тогда детской забавой!

– Мы можем ответить на фанатизм мусульман только полнейшей решимостью! – горячился «чижик-пыжик». – Чем больше добровольцев отправится в Болгарию, тем вернее государь доведет войну до отчётливого результата!

– Не понимаю, как можно желать военных успехов нашим доморощенным тиранам!

Серёжа встрепенулся. Говорила курсистка, миловидная барышня лет восемнадцати. Мичман отложил меню и стал прислушиваться.

– Вы что, не читали Маркса? – продолжала девушка. – Он называл Российскую империю палачом европейских революций! Вот и теперь, стоит царю занять Константинополь, и он вернет времена самой оголтелой реакции. После такой победы никто ему слова поперек не скажет, ни в России, ни за её пределами!

Серёжа не верил своим ушам. Когда финский студент язвительно отзывается о России – это ещё можно понять. Но курсисткато русская, по всему видно, из приличной семьи...

– Не могу с вами согласиться, Нина, – покачал головой землемер. – Вас послушать, так надо радоваться неудачам русских войск! Зачем тогда наши друзья едут сражаться в Болгарию? Зачем по всей стране собирают средства на оружие для повстанцев?

– Чтобы болгары сами завоевали свободу, не призывая на помощь деспота! – гневно отрезала девица. – Или вы полагаете, что царь и впрямь радеет за болгар и боснийцев? Ему нужны Босфор и Дарданеллы, чтобы стать, как и его отец, жандармом Европы, а вы столь наивны, что готовы ему в этом помочь!

Она театральнo рассмеялась, обвела собеседников торжествующим взглядом – и встретила взглядом с Серёжей, который внимал спорщикам из-за своего столика. Лицо её сразу сделалось каменным. Собеседники, уловив перемену, обернулись и тоже увидели мичмана.

За сдвинутым столом повисла звенящая, настороженная тишина. Серёжа, внезапно сделавшись центром внимания, замер. Он всей кожей ощущал недоброжелательность, стужавшуюся вокруг, будто наэлектризованное облако.

– Друзья, нас, оказывается, подслушивают!

Стриженный крепыш сжал руки, лежащие поверх скатерти, в немаленькие кулаки; курсистка сидела прямо, не отпуская мичмана взглядом. На дне ее глаз плескалось негодование.

– Как вы смеете, сударь... – Серёжа вспыхнул и вскочил, чуть не опрокинув стул. – Я офицер Российского флота и не позволю...

Но «чижик-пыжик» уже не слушал.

– Смотрите, жандармы уже рядятся в морскую форму! Добровольцы, Балканы, свобода... о чём говорить, когда шагу нельзя ступить, не запнувшись о филёра!

– А я что вам говорила? – ледяным голосом осведомилась девица. – Пойдемте, товарищи, пока сослуживцы этого господина не устроили нам новую Казанскую площадь!¹⁴

И, запахнув плечи темно-синей шалью, направилась к выходу.

Компания потянулась за ней. Крепыш из «Техноложки» обернулся на пороге, злобно глянул на незваного гостя. Правовед, не удостоив мичмана даже такого знака внимания, пожуравлиному зашагал к дверям, сделавшись до ужаса похожим на Карлушу Греве.

Последним из-за стола выбрался землемер. Сунув за пазуху початый штоф, он зацепил с блюда щепотью жареной поросятины и кинулся догонять приятелей, работая на ходу челюстями.

Серёжа стоял как оплеванный. Возмущаться, догонять негодяя, требовать сатисфакции? Глупо, глупо... Студенты, заполнившие трактир, не сводили с него глаз. Мичман плюхнулся на стул, вскочил, швырнул на столешницу двугривенный (зачем? Ведь не успел сделать заказ!) и на одеревенелых ногах пошел к выходу. В спину хохотнули, кто-то бросил язвительную шутку, ему ответили взрывом смеха. Не помня себя от стыда, мичман выскочил на улицу и зашагал, не видя куда. Стыд и гнев застилали глаза, и он думал сейчас только об одном – удержаться и не припустить бегом...

---

¹⁴ Политическая демонстрация молодёжи на Казанской площади в Санкт-Петербурге 6 декабря 1876 года, закончившаяся массовыми арестами и громким политическим процессом.

Серёжа пришел в себя только на набережной Обводного канала. Город вокруг сделался чужим, неприятным; о том, чтобы пойти куда-нибудь, развлечься, и речи быть не могло. Больше всего хотелось очутиться сейчас в своей каюте, на «Стрельце».

Стоило вспомнить о мониторе, как память услужливо напомнила о предложении, которое сделал Повалишин, когда они прощались, сойдя с Ижоры:

– Не найдете где на ночь устроиться – милости прошу ко мне. Поужинаем, отоспитесь как дома, на крахмальных простынях, а то всё по каютам да гостиничным номерам... С племянницей моей супруги познакомлю – она из Самары, приехала поступать на какие-то новомодные женские курсы. Красавица и умница, одна беда – увлекается всякими, знаете ли, эмансипэ!

После гадкой сцены в трактире Серёжа менее всего желал знакомиться с эмансипированными курсистками, а вот от ужина и дивана с подушкой и пледом не отказался бы. Остановив извозчика, он решительно распорядился:

– Давай-ка, любезный, на Большую Морскую и угол Конногвардейского! – и откинулся на сиденье. Кучер прикрикнул на рыжую кобылу, тряхнул вожжами, и пролетка бодро покатила по Измайловскому проспекту в сторону Фонтанки.

* * *

Приняли его радушно. Хозяин предоставил гостю свой кабинет с широченным, как палуба монитора, кожаным диваном. Серёжа едва удержался от того, чтобы немедленно рухнуть на это роскошное ложе – он знал, что если хоть на мгновение сомкнет глаза, то уже не проснется до самого утра. Наскоро приведя себя в порядок (кроме артиллерийских таблиц, в саквояже имелся дорожный несессер и смена белья), мичман стойчески дотерпел, пока горничная – беловолосая, розоволицая, как младенец, финка, забавно растягивающая русские слова, – не позвала его к ужину.

Подали аперитив – ракию¹⁵ в маленьких узких, высоких стаканчиках. Супруга каперанга, внучка обедневшего греческого аристократа, поступившего на русскую службу перед Крымской войной, завела в доме балканскую кухню. Иван Федорович принялся объяснять гостю разницу между сербской ракией, турецким раки и греческим узо, когда дверь гостиной распахнулась, и...

– Позвольте, Сергей Ильич, представить вам Нину, племянницу моей супруги!

Серёжа обернулся к двери и едва не разинул рот от удивления. Перед ним стояла та самая яростная обличительница тирании, с которой он столкнулся какие-то два часа назад. Чёрную юбку и жакет, так любимые слушательницами женских курсов, сменил голубой домашний капот, волосы, ещё недавно собранные в скучный пучок, рассыпаны по плечам прелестными кудрями, но... несомненно, это она!

Нина тоже его узнала. Недоумение на ее лице сменилось досадой, потом тревогой и без всякого перехода – вежливо-официальной улыбкой.

«А глаза-то не улыбаются – серо-зеленые, ледяные...»

– Нина, душа моя, что же ты стоишь? – недоуменно спросил Повалишин. – Поздоровайся с молодым человеком!

Серёжа шагнул навстречу:

– Мичман Казанков, к вашим услугам. Имею честь служить под началом вашего дядюшки.

«Вот тебе и жандарм, голубушка!»

Брови Нины озадаченно взлетели вверх.

---

¹⁵ Балканский крепкий алкогольный напиток, род бренди.

– Огаркова Нина Георгиевна. – Легкий кивок, никаких книксенов или руки, протянутой для поцелуя. – Надеюсь, он не слишком с вами строг?

Тонкий палец мимолетно скользнул к губам: «Ни слова! Молчите!»

Чуть заметный кивок в ответ: «Не беспокойтесь...»

– Ну-с, прошу за стол! – нарушил паузу Федор Иванович. – Нина, душа моя, что нового на этих твоих курсах?

За столом Нина все время ловила Серёжин взгляд, но безуспешно – юноша старательно отводил глаза и под конец ужина позорно сбежал, сославшись на усталость. Оказавшись в кабинете, он без сил рухнул на хозяйский диван, предусмотрительно застеленный розоволицей горничной.

«Ну и денёк! Нет уж, господа хорошие, лучше я ещё неделю буду возиться с переборкой котлов...»

VIII. Fleet in being¹⁶

Стылый ветер пронизывал до костей, проникая сквозь плед, принесенный на палубу лощёным, похожим на премьер-министра стюардом. Дождевое небо низко нависало над портсмутским рейдом, сливаясь по южному краю горизонта со свинцовой рябью Канала. Старая добрая Англия – туман, дождь, клетчатый твид и броненосцы.

Барон Греве запахнулся в шерстяную ткань, перекинул угол через плечо, на манер шотландских горцев. Палуба под ногами качнулась раз, другой – колесная королевская яхта «Виктория и Альберт», проходя мимо, развела волну. Её величество королева Виктория изволит осматривать Эскадру специальной службы!

С «Тандерера» волынки простуженно затаили «Черную стражу». Прославленному маршу Сорок второго полка вторили судовые гудки и тонкие свистки паровых катеров. На рейд будто накинули лоскутное одеяло: яхты, пароходики, портовые буксиры, катера, рыбацьи шхуны. На палубах черно от людей – в Портсмут съехались зеваки со всей Южной Англии. Рядовые клерки из Сити, владельцы пабов, мелкие торговцы колониальными товарами – все желали полюбоваться мощью Королевского флота, воочию убедиться, что их налоги не пропадают в пустую и Британия по-прежнему правит морями.

Роскошная яхта «Каледония», на полуюте которой мерз сейчас мичман Греве, встала в стороне от водоплавающего плеска среди таких же элегантных красавиц. Здесь не место простой публике, только особо важные персоны: лорды, дипломаты, высокопоставленные чиновники, известные политики, парламентарии из Палаты общин... Приглашения отпечатаны на плотной бежевой бумаге с золотым обрезом; под силуэтом яхты в обрамлении геральдических символов – затейливая надпись:

«The Royal Harade of Particular Service squadron».

И ниже:

«The personal invitation of Vice-Admiral of the Royal Navy Sir Astley Cooper Key»¹⁷.

«Личный гость адмирала, ни больше ни меньше!»

Барон посмотрел карточку на просвет, любясь водяными знаками. Королевские львы и единороги, цветы чертополоха и изысканно переплетённые буквицы...

Под факсимильным оттиском с собственноручной подписью адмирала вписано имя и титул приглашенного. Барон Карл Густав Греве, и пойдя догадайся, что обладатель титула – обыкновенный мичман флота российского! Интересно, как военно-морской атташе сумел добыть это приглашение? Может, его нарочно прислали в русское посольство из Форинофис – идите, любуйтесь, а потом расскажите вашему царю, какую мощь Британия припасла для непокорных!

Королевская яхта поравнялась с флагманским кораблём сэра Купера Ки, казематным «Геркулесом», и тот с обоих бортов ударил салютом. Звук укатился к горизонту, распугивая чаек, зрители разразились приветственными воплями, вверх полетели кепи, шляпки, цилиндры. Иные сносило ветром за борт; их провожали смехом, шутками и свистом. Барон усмехнулся – где ты, хваленая британская невозмутимость?

Отзалпировал «Тандерер», один из сильнейших броненосцев мира. Года не прошло, как он вступил в строй. Крепкий орешек.

¹⁶ «Имеющийся в наличии флот» (англ.) – принцип военно-морской стратегии, когда флот сковывает противника самим фактом своего существования.

¹⁷ Королевский смотр Эскадры специальной службы. Личный гость вице-адмирала Королевского флота сэра Эстли Купера Ки (англ.).

Пушечные громы откатывались вслед за яхтой вдоль броненосной колонны. Палили мониторы «Циклоп», «Геката», «Горгона», «Гидра». На бумаге – мореходные боевые единицы, а на деле остойчивость такова, что сто раз надо подумать, прежде чем выводить их из гавани в свежую погоду. Не корабли, а готовые братские могилы на полторы сотни душ!

Последним салютовал «Принц Альберт», заслуженный ветеран, первый башенный броненосец, заказанный для Королевского флота. Память услужливо подсовывала барону измерения корпусов, водоизмещение, калибры орудий, типы судовых котлов и механизмов – зря, что ли, он два месяца изучал все, что мог собрать по корабельному составу Эскадры специальной службы?

Королевская яхта подрезала хвост ордера широкой полуциркуляцией и легла на обратный курс. Теперь залпы катились назад, к голове строя, вдоль второй линии, едва различимой в клубах порохового дыма.

Барон извлек из складок пледа громоздкий апризматический бинокль французской фирмы «Moreau Teigne», подкрутил колесико, настраивая резкость. Так... батарейный «Уорриор», первый броненосный фрегат с железным корпусом британской постройки, три однотипных броненосных корвета, «Вэлиант», «Резистанс», «Гектор», ухудшенные копии «Уорриора». За ними – казематный «Пенелоп». На этом корабле адмиралтейство решило сэкономить: маленький, слабо вооруженный, зато может ходить по мелководью, под неприятельским берегом. Батарейный «Лорд Уорден», тоже из старичков – деревянный корпус, обшитый четырехдюймовым котельным железом. Хлам, вчерашний день.

Королевская яхта поравнялась с «Геркулесом», и тот снова изрыгнул пламя. Небо над портсмутским рейдом раскололось: флагману разом ответили все до одного броненосцы. Зрители неистовствовали, посвежевший ветер рвал дымную пелену в клочья, унося их в сторону моря неопрятными медузами, истаивающими на лету. И опять полетели вверх шляпки, кепи, цилиндры...

А восторгаться-то, пожалуй, нечем, усмехнулся про себя барон. Две трети эскадры – сущий антиквариат, старье, малопригодное для совместных действий. Даже привести этот плавающий паноптикум из Портсмута на Балтику – задача не из легких. Придется сводить вместе близкие по характеристикам суда и отправлять отряды к точке randevу по отдельности. Скажем, к Готланду. И всё равно авантюра – с таким хламом надеяться на успех прорыва мимо фортов Кронштадта, под огнем, по минным банкам, сквозь линии ряжевых заграждений, может только неисправимый мечтатель. Осознают ли это блестящие офицеры, что выстроились при полном параде на палубах посудин ее величества?

Над мостиком «Геркулеса» взлетел флажной сигнал: «Командующий извещает об окончании смотра». И, словно в ответ, со шканцев «Каледонии» раздался медный звон – колокол приглашал пассажиров к чаю. Британские традиции: война войной, а фэйф-о-клок – это святое.

Спускаясь по роскошному (красное дерево, бронза, бархат!) трапу в буфетную, барон заново перебирал в памяти сведения о броненосцах сэра Эстли Купера. Он уже знал, что напишет в своем рапорте военно-морскому атташе: «В случае войны на Балтике англичане вынуждены будут значительно усилить Эскадру специальной службы броненосными судами новейшей постройки. В особенности им потребуются суда прибрежного действия и броненосные тараны типа “Руперт” и “Белляйль”. В нынешнем составе эскадра мало способна угрожать балтийским морским крепостям».

Греве отхлебнул из чашки, украшенной золотым силуэтом «Каледонии», обжигаяще горячего чая. Говорят, в Америке предпочитают кофе... Ничего, скоро он сам это выяснит. Через три дня из Ливерпуля в Нью-Йорк отбывает пароход «Селтик» судоходной компании «Уайт Стар». Билет давно лежит у барона в портмоне, и, если не стрясется чего-нибудь непредвиденного, недели через две он будет в Филадельфии и поднимется на борт «Крейсера», который вот-вот должен покинуть сухой док. А уж там – как решит капризная фортуна мировой

политики. Может статься, ему, мичману Грече, придется ещё командовать «Пли!» орудийному плутонгу, в прицелах орудий которого застынет корабль с «Юнион Джеком» под гафелем...

IX. Тяжело в учении

Слитный грохот девятидюймовок безжалостно встряхнул монитор. В подбашенном отделении звук получился слабее, чем на палубе или в башне, но и этого хватило, чтобы мичман Казанков на краткое время оглох.

– Что застыл, храпоидол? – заорал артиллерийский кондуктор. – Подавай, язви ты в корень!

Матрос сноровисто зацепил железными клещами чугунную болванку практического снаряда, в котором пороховой заряд был заменён песком. Двое других навалились на цепи; снаряд оторвался от тележки и поплыл вверх, в люк, прорезанный во вращающемся полке оружейной башни. Там его подхватили, уложили в кокор, накатили к казеннику и деревянной палкой с обитым кожей валиком дослали в камору правого орудия. Подали картузы дымного артиллерийского пороха; затвор масляно чавкнул, запирая канал ствола, а из погребов уже поднимали на лязгающем цепном подъемнике снаряд для второй девятидюймовки. Действие повторилось с точностью хорошо отлаженного часового механизма.

Наводчики уже крутили винты горизонтальной и вертикальной наводок, подправляя прицел, сбитый сотрясением выстрела. Мишень – сколоченный из досок и парусины щит на плотике – покачивалась на удалении пяти кабельтовых¹⁸.

– Пли!

Снова сдвоенный гром, судорога прокатывается по железному набору корпуса, от баллера руля до форштевня. Подпалубные помещения на секунду затягивает легчайший туман – взвесь водяной пыли, поднятая страшным сотрясением залпа.

Переговорная труба, соединяющая подбашенный отсек с мостиком, ожила:

– Задробить стрельбу! Башню в походное положение!

Серёжа воткнул кожаную пробку в амбушюр и бросил взгляд на указатель положения башни.

– Шабаш, ребята, отстрелялись! Олябьев, ворочай лево пять!

В подбашенном отделении загрохотало, залязгало. Клиновый механизм пришел в действие, центральная колонна, поддерживающая башню, толкнула многотонное сооружение вверх, оторвала от вделанного в палубу железного кольца и приподняла – совсем чуть-чуть. Унтер-механик крутанул штурвал поворотного механизма, приводная цепь задвигалась, приводя в движение массивную медную шестерню, насаженную на опорную колонну. Ползунок указателя пополз по шкале, и мичман принялся вслух отсчитывать деления: «Один... Два... Три... Четыре... Шабаш!»

Снова лязгнуло – башня тяжело села на опорное кольцо. Железный свод над головой ошутимо дрогнул. Серёжа невольно вздрогнул: каждый раз, когда завершалась процедура поворота оружейной башни, он непроизвольно представлял, как та продавит палубу своими многими сотнями пудов, превращая людей в кровавые кляксы.

Знакомясь с устройством «Стрельца», он в деталях изучил механизмы, изобретенные шведом Эриксоном для американского «Монитора». После чего, следуя совету старшего артиллериста, осмотрел и оружейные башни «Смерча». Это судно было заказано после «американских» мониторов, и при его проектировании учли недостатки и слабые места прежней конструкции. В том числе и жалобы артиллеристов на загроможденность внутреннего пространства башен механизмами опоры и приводов, что создавало расчетам орудий немало неудобств.

Башни системы англичанина Кольза, стоящие на мониторах поздней постройки, двухбашенных «Смерче», «Русалке» и «Чародейке», а также на башенных броненосных фрега-

¹⁸ Единица измерения расстояния, используемая в мореплавании. 1/10 морской мили или 185,2 метра.

тах, не имели эриксоновского подъемного механизма с центральным штырем. Вместо этого башня Кольза опиралась на катки, а поворотные механизмы целиком были под палубой. Самую башню углубили в круговую нишу, что улучшало остойчивость судна и уменьшало размер цели, открытой снарядам неприятеля. Конструкция стала прочнее, поскольку у башен Эриксона наблюдались смещения механизма поворота при сотрясении от попаданий, а теперь самая уязвимая его часть, опорный контур, не подвергалась опасности при обстреле. Подача боеприпасов упростилась, да и в башне, не говоря уж о подбашенном отделении, стало не в пример просторнее.

Позавидовав артиллеристам «Смерча», Серёжа поинтересовался, почему старые башни не заменили при модернизации, когда меняли на мониторе пушки и орудийные станки? Оказалось, что переменить системы вращения башни с эриксоновской на кользовскую невозможно, проще построить новый монитор. Но и старички-«американцы» при всех своих недостатках ещё годились в дело, так что приходилось теперь маяться с их капризной и не слишком надёжной механизацией.

Матросы, подгоняемые матерными руладами кондуктора, принялись приводить в порядок сложное хозяйство подбашенного отделения. Сделав, больше для порядка, пару замечаний и убедившись, что всё свершается в соответствии со строгими регламентами и наставлениями, мичман полез по железному трапу вверх.

Каким удовольствием было вдохнуть полной грудью свежий морской воздух после духоты низов, полных угольного смрада, чада горячего машинного масла и пороховой гари, с которыми не справлялись вентиляторы!

Легкий ветерок задувал с норда; октябрь в этом году выдался студеным, обещая раннюю зиму. Лужицы на мостовых Гельсингфорса к утру покрывались тонким, ломким ледком. Вице-адмирал Бутаков, завершая навигацию, вывел свой отряд, две броненосные батареи и шесть мониторов, из Свеарбога для практических стрельб. Результаты его вполне удовлетворили: корабли показывали уверенный процент накрытий; усталость людей и механизмов не привела к сколько-нибудь серьёзным неполадкам. «Стрелец» имел лучшие результаты среди своих братьев, заработав адмиральское «Флагман выражает свое удовольствие». Повалишин улыбался, будто кот, отведавший сметаны.

«Вот, батенька мой, – твердил он мичману, – противники башенной системы твердят, будто кораблики наши не пригодны к длительным плаваниям. А хоть бы и не пригодны, так и что с того? Наше дело не океанские походы, а твердая оборона берегов Отечества, и тут уж мы всех за пояс заткнем, никакая волна помехой не станет!»

И верно, несмотря на то что пенные барашки свободно гуляли по палубе, захлестывая амбразуры, комендоры стреляли исправно и быстро расколотили в щепки два щита-мишени. Повалишин на радостях посулил команде две призовые чарки сверх положенного.

«Стрелец» шел третьим в порядке, за «Единорогом» и броненосной батареей «Кремль», на которой держал флаг Бутаков. Волны, идущие со стороны Финского залива, били кораблям в левую раковину; белые, с косыми голубыми крестами андреевские полотнища трещали на кормовых флагштоках. Мониторы, будто усталые лошади, торопились в Свеаборг. Оттуда отряд должен был перейти в Гельсингфорс и встать на долгий зимний отдых на бочках в Южной гавани.

* * *

Призрак войны с Англией витал над кронштадтскими фортами и бастионами Свеаборга; о скорой войне говорили в кают-компаниях и в кубриках, на приемах в офицерском собрании и в кабаках, где завсегдатаями матросы кронштадтского экипажа. Увы, в руководстве Балтийского флота не было единства, необходимого в преддверии грозных событий. В каюткомпаниях

поговаривали о ссоре вице-адмирала Бутакова с великим князем Константином Николаевичем. Великий князь, покровительствовавший кораблестроителю Попову, автору проекта круглых броненосцев береговой обороны для Черноморского флота, старался в свое время продвинуть строительство третьего такого судна. Бутаков заявил тогда, что согласится построить ещё одного уродца, ежели тот будет иметь ход одиннадцать узлов и сможет дойти до Константинополя. А когда великий князь принялся возражать, вице-адмирал не выдержал: «Пора, наконец, положить конец дурацким поповским экспериментам и строить настоящий боевой крейсерский флот. Чтобы чувствовать себя в безопасности, мы должны иметь на Балтике шестнадцать быстроходных броненосных крейсеров, а на Чёрном море хотя бы два. Что касается самого адмирала Попова, то он сегодня только тормозит наше кораблестроение, и чем скорее перестанет им заниматься, тем будет лучше для России!»

Совещание закончилось нешуточным скандалом: Попов вышел прочь, хлопнув дверью, а великий князь почувствовал себя оскорбленным.

Но этого оказалось мало: на совещании в Морском министерстве Бутаков жестоко раскритиковал состояние кронштадтских фортов, доказав с цифрами в руках, что при нынешнем положении дел британскому флоту не составит особого труда миновать их и прорваться к столице. Оборону Кронштадта было решено усилить, но отношения вице-адмирала с великим князем, в чьем ведении находилась морская оборона столицы, стали ещё более натянутыми.

Вице-адмирал как в воду глядел! Когда началась русско-турецкая война и возникло опасение британской экспедиции на Балтику, он решил всемерно ускорить боевую учёбу на эскадре броненосных кораблей. Но великий князь Константин, в отместку за неосторожно сказанные когда-то слова, объявил, что до конца войны будет самолично командовать Балтийским флотом. Бутакова понизили до командира самого слабого из отрядов его эскадры (две броненосные батареи, шесть мониторов и три деревянные канонерские лодки). В этот отряд вошел и монитор «Стрелец». Местом базирования им определили Свеаборг – беспокойного вице-адмирала стремились убрать подальше от столицы.

Оказавшись в своеобразной опале, Бутаков старался привести хотя бы вверенные ему корабли в наивысшую готовность. Офицеры повторяли его слова: «Мы, адмиралы, капитаны, офицеры, унтер-офицеры, матросы, – не для того, чтобы у нас были адмиралы, капитаны, офицеры, унтер-офицеры и матросы, а для того, чтобы было кому хорошо действовать пушками, машинами, рулями, чтобы было кому распорядиться батареями пушек, бойко управиться каждым кораблём, толком распорядиться всеми кораблями, и всё это для одной всегдашней цели – БОЯ».

В конце сентября отряд предпринял маневры совместно с экипажами минных катеров, приписанных к крепости. Отрабатывали защиту минных заграждений от траления неприятелем, отражение высадки десанта, ночные атаки шестовыми и буксируемыми минами. Балтийские моряки перенимали опыт черноморцев, на слуху было имя лейтенанта Степана Макарова, служившего когда-то на башенной броненосной лодке «Русалка», а теперь возглавлявшего лихие набеги минных катеров на турецкие броненосцы. Мичмана и лейтенанты до дыр зачитывали книгу Бутакова «Новые основания пароходной тактики», содержащие единые для всех классов кораблей правила маневрирования в бою.

* * *

Минуло уже полгода с начала Серёжиной службы на «Стрельце». После июльской поездки в Санкт-Петербург он ни разу не посетил столицу.

Впрочем, это относилось не только к нему одному. Не имея возможности бывать в столице, женатые офицеры снимали квартиры в Гельсингфорсе и перевозили туда семьи. Так поступил и командир «Стрельца». К удивлению Серёжи, Нина не осталась в Петербурге, а

последовала за семейством Повалишиных. С Серёжей она вела себя так, будто и не было ужасной сцены в «Латинском квартале», будто не слышал молодой человек страстные речи, обращенные против того, что и он и ее дядя, капитан второго ранга Повалишин, готовы защищать, не щадя жизни. А может, и не стоило воспринимать ту выходку всерьез? Эмансипация эмансипацией, но ведь должен рано или поздно возобладать в ней здравый смысл? Нина представлялась Серёже барышней вполне разумной, и он искренне надеялся, что она разочаровалась в опасных идеях.

А пока мичман охотно бывал у Повалишиных. Хозяйка дома намеревалась устроить нечто вроде еженедельного музыкально-литературного салона. Серёжа взялся ей помогать, втайне рассчитывая, что Нина тоже примет участие в этом предприятии, и тогда он сможет видиться с ней чаще.

Изредка приходили письма от Грече и Остелецкого. Барон добрался до «Крейсера» и осваивался в должности вахтенного офицера.

Последнее письмо было отправлено с острова Тенерифе, куда клипер зашел после окончания ремонта в Филадельфии. Впереди у него было плавание вокруг Африки, через Индийский океан, во Владивосток. Барон писал, что из-за напряженных отношений с Англией они не будут заходить в Кейптаун, а пополнят угольные ямы на французском Мадагаскаре.

Венечка Остелецкий окончательно превратился в артиллериста. Сейчас его заботам поручены орудия береговой и осадной артиллерии, в том числе и трофейные, оставшиеся после захвата крепостей на Дунае. Предстояло снять многотонные орудия со станков, потом разобрать сами станки и подготовить всё это громоздкое хозяйство, включая боеприпасы и батарейное снабжение, к погрузке на суда. Предполагалось в случае необходимости перевезти эти орудия морем и использовать для обороны Проливов, если русские войска сумеют утвердиться на их берегах.

А пока армия осаждала Плевну. Османы защищались отчаянно, контратакуя, отбили один за другим три штурма. Неудивительно – падение Плевны открывало русской армии дорогу в глубину Балканского полуострова, на Константинополь. А это, в свою очередь, либо поставит точку в затянувшейся войне, либо даст толчок иным, куда более грозным событиям.

Отступление первое Точка бифуркации

Точка бифуркации – момент в состоянии некоей системы (в нашем случае – системы военно-политической), когда она превращается из одной системной определенности в другую. Ее качественные характеристики после выхода на точку бифуркации обречены на принципиальное изменение, имеющее вид развилки.

Проще всего проиллюстрировать это понятие известной всем притчей о буридановом осле. Животное, оказавшись на равном расстоянии между двумя совершенно одинаковыми кучками корма, отнюдь не сдохнет от голода, будучи не в состоянии выбрать одну возможность из двух, а подойдет к одной и начнет жевать так, что за ушами будет трещать. Что именно предопределило выбор, почему ушастая скотина свернула в ту или иную сторону, не дано понять ни биологу, ни философу, оперирующему понятиями чистой логики. Возможно, причиной оказалось некое ничтожное обстоятельство, не замеченное внешним исследователем. Но, так или иначе, выбор был сделан.

Применительно к истории можно предположить, что, когда в некий момент вероятности того или иного развития событий оказываются неотличимо равны, находится соломинка, которая переламывает спину верблюду, и тогда колесо истории, скрипя и подсакивая на кочках, сворачивает в колею, которую историки позже назовут единственно возможной, предопределенной всем ходом истории.

Восьмого января (двадцатого по юлианскому летосчислению, принятому в Российской империи) 1878 года от Рождества Христова части генерала Скобелева, пройдя победным маршем через Балканский полуостров, почти без боя взяли город Элирне – византийский Адрианополь. Это был не первый раз, когда стоптаные на балканских дорогах сапоги русских солдат вставали на эту древнюю землю. В 1829 году город уже был занят войсками графа Дибича; в тот раз дело закончилось выгодным для России Адрианопольским миром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.